

Грунтовая могила (2,2×0,8×0,45 м) ориентирована по линии запад — восток. Вдоль южного и северного краев лежит несколько крупных камней. На дне могилы — часть скелета. Кости ног — в анатомическом порядке, остальные смещены. Очевидно, погребенный лежал вытянуто на спине. В юго-восточном углу, у его ступней, отмечено скопление костей животных. Других находок нет.

⁴ Если смотреть со стороны озера.

⁵ См.: *Бельтикова Г. В.* Отчет о раскопках Большегорского городища. Свердловск, 1986 // Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 10 835.

⁶ Глубина, реконструируемая от уровня древней погребенной поверхности.

⁷ Трасологический анализ каменных орудий сделан доктором исторических наук Г. Ф. Коробковой (ЛОИА), костяных — младшим научным сотрудником Н. А. Алексашенко (УрГУ), структурный анализ металлических изделий — доцентом кафедры технологии металлов Т. М. Петуховой (СИПИ) и младшим научным сотрудником А. П. Зыковым (УрГУ), остеологический — младшим научным сотрудником П. А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО АН СССР).

⁸ См.: *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. Табл. XIV-8.

⁹ Классификацию их см.: *Бельтикова Г. В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 65—77.

¹⁰ В скобках указаны: индекс конечного разряда по классификации автора, тип и дата савроматских опорных аналогий. См.: *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.

¹¹ Классификация автора иткульских ножей в рукописи.

¹² См.: *Бельтикова Г. В.* Иткульское I городище...; *Комарова М. Н.* Томский могильник // МИА. 1952. № 24. Рис. 23-15—16; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 170. Подкласс II 16. Рис. 38-31, 37, 46; *Мартинов Л. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. Табл. 3-20.

¹³ См.: *Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е.* Городище Думной горы... С. 140. Рис. 4-11.

¹⁴ Сравнение проводится с Иткульским I городищем, так как, во-первых, это наиболее представительный памятник очага; во-вторых, условия консервации остатков на Малом Вишневом и Иткульском I городище примерно одинаковы.

¹⁵ Крупный рогатый скот — 356 костей (от 19 особей); мелкий рогатый скот — 354 (14), лошадь — 1005 (34), ослика — 8 (2), лось — 21 (3), северный олень — 4 (1), козуля — 543 (21), бобр — 9 (2), птица — 33, водяная полевка — 7 (7), рыба — 56.

¹⁶ См.: *Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е.* Отчет об исследованиях археологических памятников в г. Полевском. Свердловск, 1985 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 406.

Л. Н. КОРЯКОВА, В. М. МОРОЗОВ, Т. Ю. СУХАНОВА
Уральский университет

Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье

Канун и начало средневековья, когда коренным образом менялась этнокультурная карта Евразии, характеризовались

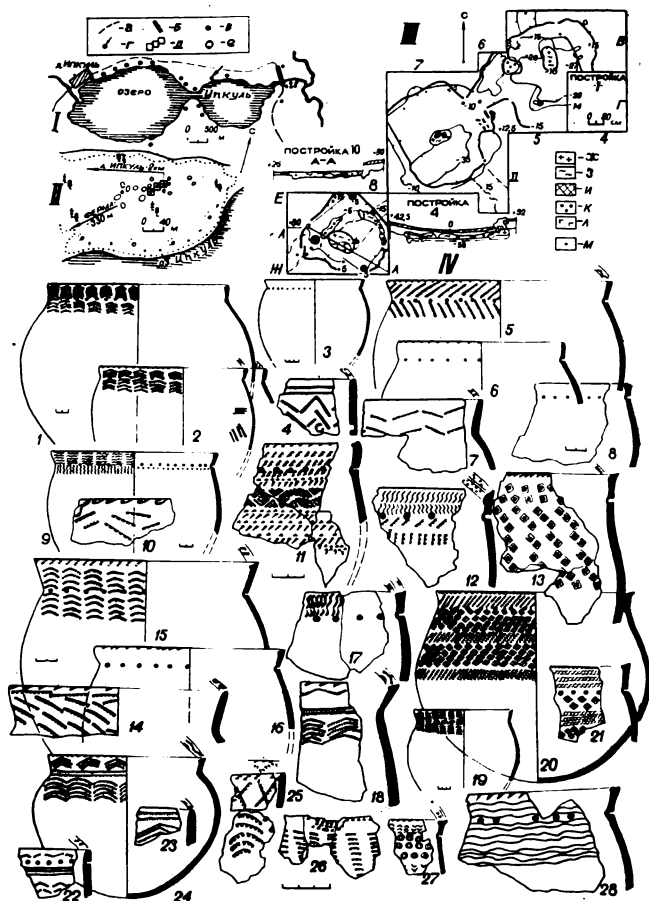

Рис. 1. I — план расположения памятников на северном берегу оз. Ипкуль;

II — план поселения; III — план раскопа; а — дорога, б — дамба, в — памятники северного берега озера, г — поселение Ипкуль XV; д — раскоп, е — впадины, ж — уголь, з — зола, и — прокал, к — песок, л — очажная супесь, м — столбовые ямки; IV — керамика группы Б.

крутым переломом в развитии народов многих районов, в том числе западносибирской лесостепи. Этот период, однако, остается еще слабоизученным ввиду недостатка археологического материала. Работы последних лет позволяют предположить, что упадок саргатской культуры, связываемый некоторыми исследователями с великим переселением народов¹, привел не к полному ее исчезновению, а к трансформации и участию в сложении западносибирских культур раннего средневековья. Многоплановость и сложность данной гипотезы требуют целенаправленного поиска и внимательного отношения к памятникам переход-

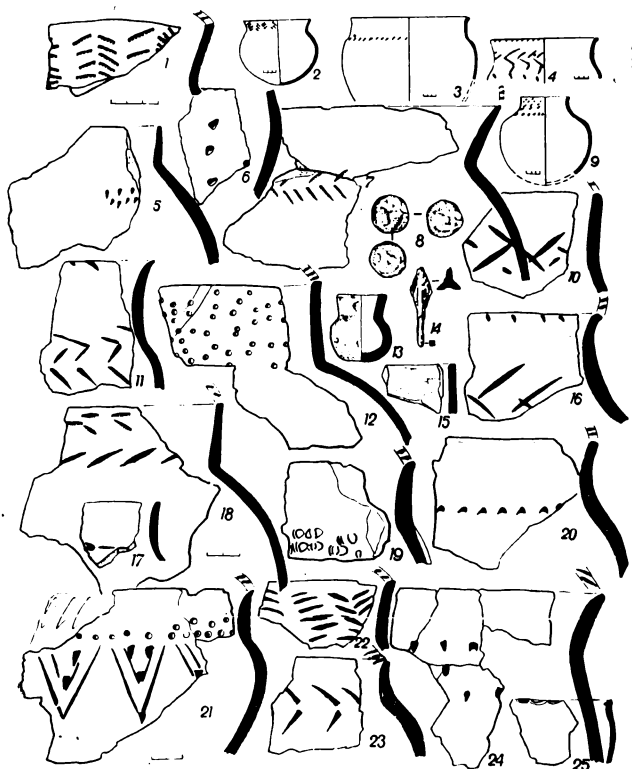

Рис. 2. Керамика группы А:
1—7, 9—13, 15—25; 8 — глиняный шар; 14 — наконечник
стрелы

ного периода. Это обстоятельство обусловило актуальность настоящей работы, задачей которой является публикация и анализ материала поселения Ипкуль XV.

Памятник открыт в 1984 г. на северном берегу оз. Ипкуль (Нижнетавдинский р-н, Тюменская обл.; рис. 1 — I)². Вдоль берега, в 75—100 м севернее его кромки, на протяжении 150 м обнаружены 18 беспорядочно расположенных впадин — остатков древних построек. Восточная часть памятника приурочена к относительно высокой незатопляемой площадке шириной до 20—25 м. Выбранные для исследования три впадины, отстоящие друг от друга на 1,5—2 м по линии СВ — ЮЗ, имели округлую форму, диаметр 4—6 м, глубину 0,1—0,5 м (рис. 1-II).

Культурный слой — желто-серая супесь, нижняя граница которой фиксировалась четко по темно-коричневой прослойке глины над уровнем материка. Заполнение котлованов — супесь темно-серого оттенка. Каких-либо нарушений слоя, связанных с

возможной перестройкой сооружений, не оказалось. Вскрытые постройки, две из которых входили в единый жилой комплекс, представляли наземные сооружения площадью около 25 м² и глубиной не более 0,3 м от уровня древней поверхности. Длинной осью ориентированы по линии СЗ — ЮВ, выходом — на СВ. В центральной углубленной части, напротив основного входа, расположенного в длинной стене, обнаружены очаги. В постройках 1 и 10, соответственно справа и у противоположной от входа стены, прослежены земляные нары (рис. 1 — III).

Отсутствие нарушений, стратиграфическая цельность культурного слоя, компактность залегания остатков не позволяют сомневаться в их одновременности.

Коллекция вещей небольшая: четыре лошила из фрагментов керамики (три — из жил. 4, одно — из жил. 1), глиняная заготовка какой-то фигурки (жил. 4), куски талка и гальки, два каменных предмета, один из которых мог быть шлифовальной плиткой, два железных трехлопастных наконечника стрел с ромбическим пером длиной соответственно 6,5 и 5 см (жил. 1, 4). К числу детских игрушек можно отнести миниатюрный сосуд, сделанный из двух половинок (рис. 2-13). Остальные находки представлены костями животных и 602 фрагментами керамики.

По развалам и крупным частям реконструировано 97 сосудов. Следует подчеркнуть, что особенностью, которая, собственно, и послужила причиной написания настоящей статьи, явилась типологическая неоднородность коллекции при единстве стратиграфических и планиграфических условий залегания находок.

Вся выборка делится на две группы. Сосуды с крупно-гребенчатой и накольчато-резной орнаментацией выделены в группу А (51 экз.). Следует уточнить условность термина «резной орнамент». Он употребляется преимущественно по традиции. В действительности в большинстве случаев резные элементы представляют собой оттиски торцевой части шпателя, которым производилась обработка поверхности сосуда. Отдельную группу Б составляют сосуды с фигурно-штампованными и мелко-гребенчатыми узорами. По сходству с керамикой лесостепных районов Зауралья середины и конца раннего железного века (саргатской, кашинской, прыговской) первую группу назовем условно лесостепной. Группа Б по комплексу признаков, характерных для керамики лесных культур раннего средневековья, получила название лесной. Более детальный анализ техники орнаментации позволил выделить в группе А сосуды с накольчато-резными и крупногребенчатыми узорами, в группе Б — с мелким гребенчатым, фигурным штампом и ямками.

В коллекции преобладают горшки. Чаш всего три. Типологический анализ форм сосудов основан на морфологической классификации, разработанной для саргатской керамики³. Типы сосудов определены путем расчета указателей пропорций.

Таблица

Распределение керамики поселения Ипкуль XV по группам

Группа	Керамика	Жилища				Статистическая характеристика			
		4	1	10	итого	\bar{X}	σ	%	доверительный интервал, $P=95\%$
А	Неопределимая	6	1	2	9	3	2,6	9,2	$47,4 \leq P(A) \leq 68,4$
	Накольчато-резная	17	15	13	45	15	2	46,3	
А	Крупногребенчатая	3	2	1	6	2	1	6,2	
А	Итого по А	20	17	14	51	17	3	52,5	
Б	Мелкогребенчатая	11	4	5	20	6,6	3,7	20,6	$10,09 \leq P(B) \leq 66,4$
Б	Фигурно-штампованная	7	2	1	10	3,3	3,2	10,3	
Б	Ямочная	2	3	2	7	2,3	0,57	7,3	
	Итого по Б	20	9	8	37	12,3	3,05	38,1	
	Всего	46	27	24	97	32,3	11,9	100	

Нормальность распределения их значений проверена с помощью критерия Ястремского⁴. Это послужило основанием для применения ряда статистических методов.

Анализ распределения сосудов по жилищам показал, что различие между средним числом экземпляров соответствующих групп по критериям Стьюдента и Фишера⁵ с вероятностью 99 % случайно. Строгой приуроченности сосудов какой-то группы к определенному жилищу нет: все они встречаются вместе. Интервальная оценка генеральной средней доли содержания сосудов каждой группы в пределах поселения по выборочным средним позволяет предполагать, что с вероятностью 95 % можно ожидать следующие результаты. Процент лесостепной керамики на поселении будет колебаться от 47,4 до 68,4 %, интервал содержания лесных сосудов шире — от 10,09 до 66,4 %. Основу комплекса, таким образом, составляет группа А (см. таблицу).

В коллекции преобладают горизонтально-эллиптические сосуды, у которых указатель пропорций тулова не превосходит 0,79. Исключением являются: один сосуд группы А, три — группы Б (с ямочным орнаментом), принадлежащие к типу горшков с шаровидным туловом. В целом для лесостепной керамики характерны следующие признаки: тулово средней выпуклости, высокие плечо и шейка. «Лесным» сосудам более свойственны слабо выпуклое тулово, средней высоты плечо, низкая шейка и широкое горло. По абсолютным размерам экземпляры группы А крупнее: у них диаметр горла в среднем больше 25 см, у сосудов группы Б — меньше 25 см. Последние к тому же имеют очень тонкие стенки.

В ходе обработки коллекции было установлено, что показатели пропорций, определяющие связь между размерами и формой, расходятся по абсолютным значениям. Следовало выяснить, каков характер этого расхождения, свидетельствует ли оно о глубоких различиях или же случайно. Проверка нулевой гипотезы о случайности разницы средних значений соответствующих показателей по t -критерию, критериям Ван дер Вардена и Стьюдента с вероятностью 95 % подтвердила ее у тех показателей, которые описывают форму тулова. Статистически значимым оказалось расхождение по указателям, выражающим особенности верхней части сосуда. Наиболее всего это проявилось при сравнении отношения высоты к диаметру шейки. Сравнимые группы достаточно четко отличаются и по способу оформления шейки. Для сосудов группы А характерны уплощенные, приостренные наружу и плоские с горизонтальным или наружным срезом венчики, керамики группы Б — плоские с внутренним срезом или карнизиком.

Таким образом, статистический анализ позволил констатировать, что при наличии общих для обеих групп керамики признаков имеются довольно ощутимые различия, проявляющиеся прежде всего в моделировке верхней части сосуда: шейки, венчика. Интересно, что указанное обстоятельство нашло объяснение при технологическом исследовании коллекции поселения Ипкуль XV. Исходное сырье — глина с естественной примесью песка — близко той глине, что встречается в окрестностях озера⁶. Но, судя по всему, источников сырья было несколько. Вместе с преобладанием в группе Б сосудов из песчаной тощей глины, а в группе А — из более жирной, в обеих есть образцы с различной концентрацией песка. Иногда в ней отмечаются вкрапления бурого железняка. Примерно в половине случаев фиксируется наличие включений слюды. Состав формовочных масс точно установить не удалось. Можно лишь констатировать их принадлежность к I и II классам по шкале А. А. Бобринского⁷. Фрагменты сосудов с мелкогребенчатой и фигурно-штампованной орнаментацией в целом более хрупкие, со слабой структурой. Из примесей использованы мелкий шмот, навоз. В группе А много сосудов с довольно плотной структурой черепка, среди примесей, кроме шмота, есть зола.

Судя по наблюдениям и результатам экспериментов, вышеописанное расхождение между сосудами сравниваемых групп было обусловлено разницей начинов и приемов конструирования полого тела. Все сосуды, видимо, выполнялись по емкостно-донной программе ленточным способом, за исключением маленьких, которые лепились из одного куска глины. Однако большинство экземпляров группы Б формовалось, начиная с шейки. Об этом свидетельствуют значительная толщина венчика по сравнению со стенками, непрерывное течение глинистой массы, повторяющее линию профиля в месте перехода шейки

в плечико. Лепка сосудов группы А начиналась с плечика или со средней части тулова путем кольцевого наложения лент шириной 1,5—2 см. В первом случае конструирование сосуда состояло из четырех этапов: начин (плечико), тулово, закрытие дна, шейка. Во втором — очередность операций была несколько иной: начин (середина тулова), лепка нижней, затем верхней частей, шейка. При этом обязательно использование какой-нибудь подставки с углублением для фиксации круглого дна. Шейка, как правило, делалась из 2—3 лент, которые примазывались изнутри к тулову, отчего у половины сосудов группы А в середине шейки отмечалось утолщение.

Придание необходимой формы производилось за счет дальнейшего выдавливания лент шпателем и выбивки. В группе А преобладает первый прием. В группе Б выбивка является основным технологическим актом формообразования, поэтому стенки «лесных» сосудов тонкие и практически одинаковы по толщине. Следует, однако, отметить присутствие в обеих группах сосудов со смешанными признаками конструирования.

Вид обработки поверхности в каждом случае установить не удалось, в особенности для «выбитых» сосудов. Можно лишь сказать, что в группе А использовалось заглаживание деревянным шпателем, который, кстати, применялся и для нанесения орнамента: торцом — «резные» елочки, углом — наколы и вдавления. Крупноребенчатые штампы, видимо, тоже были из дерева. В обработке «лесостепных» сосудов применялось минимальное количество орудий, тогда как само конструирование отличалось большей сложностью, нежели в группе «лесных».

Остановимся подробнее на орнаментации. Венчик украшен в группе А на 71,1 %, в Б — на 81,1 %. В первом случае преобладают насечки, наколы, реже — гребенка, во втором — преимущественно гребенка с небольшим количеством фигурного штампа. Для обеих характерно украшение верхней части сосуда. Но если в А исключением являются 3 горшка из 23, орнаментированные до середины и ниже, то в Б их около 2/3. Общим признаком можно считать наличие узора в месте перехода от шейки к плечу (82 %), что, видимо, имело не только декоративный, но и технологический смысл. Однако орнаментальные схемы совершенно не похожи: в основе орнамента лесостепной керамики лежат простейшие группы симметрии бордюров, тогда как для лесной характерна симметрия сеток.

В группе А преобладают резной (гладкий штамп), накольчатый, гребенчатый (крупные, средние оттиски) технические приемы. На семи сосудах узоры нанесены насечкой, на двух — в виде зашипов и оттисков тростинки. В группе Б на первом месте стоят средняя и мелкая гребенка, фигурные штампы, на одном сосуде отмечена проташенная гребенка. Среди фигурных штампов есть квадратно-ромбический (7 раз), эсвидный (3), «уточка» (4), змейка (7), кружково-овальный (2), «уголок» (3).

Сочетание видов техники в комплексе А наблюдается на 5 сосудах: резная — накольчатая, гребенчатая — резная; в Б — на 4: гребенчатая — квадратно-ромбический штамп, гребенчатая — «уголки», «уточка» — квадратно-ромбический штамп, «уголки» — овально-кружковый.

В обеих группах встречаются, правда, с различной частотой, следующие элементы орнамента: горизонтальные линии гребенки, наколов, ямок, ромбическая сетка. Различные елочки, косые насечки свойственны в основном орнаментам лесостепной керамики (33,3 %; 15,7 %). Ряды треугольных наколов, ямки, наколы, нанесенные беспорядочно или сгруппированные по 3—4, немногочисленны (11,8 %). Защипы, треугольные фестоны, ямки-кружки единичны. В комплексе Б помимо наклонных оттисков гребенчатого штампа (32,4 %) и горизонтальных линий (18,9 %) есть многорядовые горизонтальные волны, зигзаги (27 %), ряды ямок на перегибе шейки (75 %), фигурные штампы (27 %). Отмечены узоры в виде одной-трех ломаных линий отпечатков коротко-гребенчатого штампа, ограниченные сверху несколькими горизонтальными линиями оттисков этого же штампа.

Таким образом, результаты статистической обработки и технологического исследования керамики поселения Ипкуль XV с учетом орнаментальных различий убеждают нас в существовании на нем по меньшей мере двух основных культурных и производственных традиций, а также фиксируют факт их смешения.

Как считает А. А. Бобринский, наиболее консервативным звеном гончарной технологии является формообразование, точнее, его способы, тогда как навыки отбора исходного сырья, рецептура формовочных масс очень подвижны и подвержены значительным изменениям⁸.

Исходя из вышеизложенного, попробуем определить элементы тех традиций, которые нашли отражение в керамике поселения. Как уже отмечалось, по форме и орнаменту сосуды группы А близки посуде степных и лесостепных памятников раннего железного века (саргатская культура)⁹ и средневековья (по В. Д. Викторовой: позднего железа I — прыговский тип)¹⁰. Причем сходство с саргатской наблюдается в конструктивных деталях. Например: средняя высота шейки сосудов поселения Ипкуль XV — 3,6; диаметр горла — 22,7 см. Эти параметры на саргатских горшках распределены в пределах 2,9—3,7 и 22,5—27,7 см соответственно. Моделировка шейки, венчика, накольчато-резные элементы, принципы бордюрного построения орнамента — признаки, также свойственные саргатской керамике, поздним вариантом которой в Притоболье можно считать прыговский тип. Наследие саргатских гончарных традиций позднее проявилось в средневековье: в керамике сылвенских, горноуральских памятников¹¹, а также в посуде сибирских татар¹².

В орнаментальных мотивах группы Б отчетливо проявляются традиции лесных культур. Об этом свидетельствуют расширение венчика, его скошенность и карнизик внутри. Последний признак хорошо представлен в потчевашской и петрогромской керамике. Фигурные штампы и мелкая гребенка характерны для орнамента синдейских, туманских, потчевашских сосудов¹³. Двух-четырёхрядовый зигзаг часто встречается на керамике памятников конца раннего железного века — начала средневековья (сел. Тыня, Кашинское, Юдинское)¹⁴; двойной зигзаг в оформлении композиции присущ орнаментам второй и третьей групп петрогромского типа¹⁵.

Змейковый, эсвидный и штамп «уточка» имеют довольно широкое хронологически-территориальное распространение. Встречаются на гамаюнской, синдейской посуде (горный Урал), на керамике среднеиртышской, кулайской культур (Нижнее, Сургутское, Томское Приобье)¹⁶, в более позднее время — на сосудах туманского типа, потчевашских и т. д. Другие штампы, в данном случае квадратно-ромбический, кружково-овальный и сложный уголковый, появляются не ранее рубежа раннего железного века и средневековья. При этом первый можно нередко обнаружить в комплексах потчевашской культуры, в том числе логиновских, два последних более характерны для зауральской и нижнеобской керамики¹⁷ в ее ярасалинском варианте.

Итак, из 97 сосудов коллекции памятника 61,9 % определено связываются с саргатской лесостепной традицией, а 38,1 % — с различными модификациями преимущественно лесной и лесостепной традиций, но уже в средневековом проявлении. Более конкретно: из 37 сосудов группы Б 10 явно лесные, 20 ближе к лесостепной средневековой керамике, 7 занимают как бы промежуточное положение. В целом же в комплексе поселения доминирует саргатский компонент. Как отмечалось выше, его содержание выражается в довольно устойчивом проценте. Ему уступает, но неизменно сопутствует другой, в котором нашли отражение элементы группы Б, обладающей, как отмечалось, сложной структурой. В ней хорошо прослеживаются три составляющих: две лесные — туманская и потчевашская — и одна лесостепная, которую в силу ее оригинальности можно было бы назвать ипкульской. Это керамика с многоарочной гребенчатой орнаментацией. К ней примыкают сосуды с петрогромскими мотивами (рис. 1—IV).

Отсутствие прямых свидетельств затрудняет датировку памятника. Железные трехлопастные наконечники стрел, относящиеся к 7 типу по классификации А. М. Хазанова, распространенные с рубежа эр, указывают на начало I тыс. н. э.¹⁸ Комплекс керамики, как подчеркивалось, неоднороден. В этом его сложность и одновременно ценность, заключающаяся в совместной концентрации элементов разных линий развития.

Западнее поселения находится саргатский курганный могильник, датируемый по инвентарю позднесарматским временем (раскопки Л. Н. Коряковой, 1984—1985). Керамика его в основном идентична поселенческим сосудам группы А. Кроме того, в насыпях неизменно встречаются фрагменты фигурно-штампованной посуды. В двух погребениях кургана 2 зафиксировано ее совместное залегание с саргатской. Судя по размерам могильника, в котором в настоящее время насчитывается более 50 насыпей, он функционировал долго, частично совпадая с периодом существования поселения Ипкуль XV. Возможно, с ним же связаны другие близлежащие поселки, в частности, Исток 3 на противоположном берегу озера, где найдена преимущественно позднесаргатская керамика (раскопки Л. Н. Коряковой, 1984). Так или иначе, ссылаясь на время могильника, Ипкуль XV можно было бы датировать не позже IV в. н. э. Однако, по мнению ряда исследователей, такие признаки, как расширение венчика и скошенность его внутрь с нависающим карнизиком появляются на потчевашской посуде, для которой они характерны, на раннем (сперановском) этапе: в V—VI вв. н. э.¹⁹ Кроме того, в орнаменте керамики поселения Ипкуль XV присутствует штамп «уточка», наиболее распространенный в V—VI вв. н. э. в Омском Прииртышье, к VII в.— в Среднем Приобье, к последней трети I тыс. н. э.— в Новосибирском и таежном Приобье²⁰.

Свойственные туманским сосудам кружково-овальный и сложный углоковый штампы начинают распространяться с III в. н. э., но больше всего — во второй четверти I тыс. н. э.²¹ Это подтверждается частой встречаемостью подобных штампов на керамике нижнеобской культуры в довольно ограниченный отрезок времени: на ярсалинском этапе²².

Учитывая сказанное, памятник можно предположительно датировать второй четвертью — серединой I тыс. н. э. Обе группы керамики одновременны. Данное обстоятельство находит дополнительные аргументы даже в расположении сосудов внутри жилищ. К примеру, в постройке 4 сосуд 1 с многорядовой арочной орнаментацией стоял рядом с сосудом 21, украшенным ямками, сосуд 5 с фигурным штампом находился в сосуде 4 ипкульского облика. Все они обнаружены рядом с саргатскими горшками.

Возникает вопрос о культурно-этнической принадлежности поселения. Сложность его не вызывает сомнений в связи с малочисленностью материала для решения не только общих, но и конкретных проблем. Как известно, относительно этнокультурного развития западносибирского населения в средневековье среди исследователей нет единства. Анализируя топонимы бассейна р. Вагай, Н. В. Храмова отмечает наличие в регионе обско-угорского топонимического пласта, который восходит к языку обских угров. По ее мнению, тюркский пласт топонимов в

бассейне р. Вагай создан на базе языка обских угров. В русский язык обско-угорские топонимы вошли через тюркское посредство²³.

Если это так, то можно предположить существование и в бассейне Тавды более раннего, чем тюркский, угорского пласта. Данному выводу не противоречит археологическая ситуация I — начала II тыс. н. э. Многие исследователи отмечают три волны проникновения населения с юга на север лесостепи и в лесную зону. Одна из них, связываемая с последствиями движения на запад гуннов, приходится как раз на вторую четверть I тыс. н. э., другая, вызванная давлением Тюркского каганата, — на конец I тыс., третья зафиксирована в первой четверти II тыс. как результат экспансии татаро-монголов²⁴.

Известно, что начало I тыс. н. э. сопровождалось ухудшением климатических условий, а это, наряду с неблагоприятно складывающейся политической обстановкой в южных и восточных районах саргатской культуры, привело к кризису ее обществу, нарушило внутренние связи и дестабилизировало экономику. Наиболее сильные племена скорее всего мигрировали на запад уже в первые века нашей эры, другие же сдвинулись к северу, северо-западу, заняв те районы, в которых раньше саргатское население было относительно редким. Следствием этого стало опустение лесостепи, где свободные, пригодные для рыболовства и охоты территории стали занимать группы лесного происхождения²⁵.

Часть саргатских племен, продвинувшихся на север лесостепи, сохранила свои традиции дольше, чем их южные сородичи. Материальным свидетельством этого являются памятники у оз. Ипкуль. Кроме того, в них нашел отражение процесс смещения позднесаргатских, лесных и каких-то глубоко местных гончарных традиций.

Можно допустить, что на поселении Ипкуль XV жило неоднородное, но преимущественно угорское население. Его обитатели занимались скотоводством, о чем говорит фаунистический материал, рыболовством и охотой. По определению биолога П. А. Косинцева, среди костей преобладают кости крупного рогатого скота. Дикие животные представлены костями северного оленя и косули. Как известно, север лесостепи и юг тайги были районами традиционного многоотраслевого хозяйства²⁶. Это обуславливало относительно оседлый образ жизни населения. Данное обстоятельство подтверждается характером поселения Ипкуль XV и жилищ. Берег озера заселялся либо единовременно — тогда это был довольно крупный поселок, либо на протяжении определенного периода, что свидетельствует о длительности его существования, но в любом случае указывает на устойчивый характер хозяйственных занятий. Жилища имеют мощные постройки, очаги, насыщенные находками, что наводит на мысль о длительности их использования. Мате-

риала для реконструкции сооружений недостаточно, но по ряду элементов (жилой комплекс из двух построек, площадь и пр.) они близки саргатским.

¹ См.: Могильников В. А. Некоторые итоги и проблемы изучения культуры древнетюркского населения Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. Омск, 1984. С. 69.

² См.: Корякова Л. Н. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства газопровода «Уренгой — Челябинск». Свердловск, 1980 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 352.

³ См.: Корякова Л. Н. Некоторые статистические методы морфологического анализа керамики // В печати. Корякова Л. Н. Саргатская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

⁴ См.: Лакин Г. Ф. Биометрия. М., 1980. С. 134.

$$J = \frac{|C - N|}{\sqrt{2N + 4\theta}}, \text{ где } C = \sum_{i=1}^n \frac{(P_i - P')^2}{P'q'}, J - \text{критерий Ястремского, } P_i - \text{фак-}$$

тически, P' — теоретически вычисленные частоты, N — число классов вариационного ряда.

⁵ Критерий Фишера основан на сравнении выборочных дисперсий
$$F = \frac{S_1^2}{S_2^2}, \text{ где } S_1^2 - \text{большая, } S_2^2 - \text{меньшая дисперсии. Критерий Стьюдента}$$

основан на сравнении средних величин по оценке их разности:
$$t = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{S_{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}} =$$

$$= \frac{d}{S_d}, \text{ где } \bar{x}_1, \bar{x}_2 - \text{средние, } d - \text{их разность, } S_d - \text{ошибка разности. Из-за ограниченного объема статьи расчеты не приводятся, они просты. Методы проверки гипотезы излагаются в любом учебнике по статистике, в частности, см.: Лакин Г. Ф. Биометрия.}$$

⁶ Об этом свидетельствуют эксперименты по изучению технологии керамического производства, проведенные в полевых условиях на оз. Ипкуль в 1984, 1985 гг.

⁷ См.: Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 91.

⁸ См.: Там же. С. 244.

⁹ См.: Корякова Л. Н. Саргатская культура. Рис. 71-95.

¹⁰ См.: Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. С. 161.

¹¹ См.: Борзунов В. А., Морозов В. М. Городище Уфа VI — многослойный памятник горно-лесного Зауралья // В печати; Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б. Пахомовский могильник // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 135—136.

¹² См.: Соболев В. И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. Рис. 2-4.

¹³ См.: Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Туры // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 261—262; Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б. и др. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 216—217, 222—223.

¹⁴ См.: Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Рис. 28-1, 4. Табл. 21-22.

¹⁵ См.: Берс Е. М. Приложение к отчету Южноуральской археологической экспедиции // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 12 а.

¹⁶ См.: *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // ПХКПАПЗС. С. 181—185; *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. Рис. 41-44.

¹⁷ См.: *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58. С. 138.

¹⁸ См.: *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 40.

¹⁹ См.: *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б. и др.* Памятники железного века в Омском Прииртышье. С. 223.

²⁰ См.: *Молодин В. И., Соболев Л. И., Елагин В. С.* Городища тюркского времени Барабинской лесостепи // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 78.

²¹ См.: *Викторова В. Д.* Этапы развития фигурно-штампованной ornamentации на сосудах памятников бассейна р. Туры. С. 261—263. Табл. 3.

²² См.: *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. С. 145.

²³ См.: *Храмова Н. В.* Топонимия бассейна р. Вагай: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1985. С. 14—16.

²⁴ См.: *Могильников В. А.* Начало тюркизации населения Притоболья и Среднего Приобья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 82—83.

²⁵ См.: *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б. и др.* Памятники железного века в Омском Прииртышье. С. 224.

²⁶ См.: *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 123; *Корякова Л. Н., Сергеев А. С.* Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. Свердловск, 1986.

В. Д. ВИКТОРОВА, В. Ф. КЕРНЕР
Институт экономики УрО АН СССР

Памятники эпохи железа у озера Осинового

В истории населения лесостепного и лесного Зауралья железного века ряд вопросов пока не нашел своего разрешения. Весьма смутны представления о большом историческом этапе от рубежа нашей эры до середины I тыс. н.э. До сих пор не найдены истоки появившегося на Урале в I тыс. н.э. населения с традициями курганный захоронения и шнуровой ornamentацией посуды. Изучение памятников эпохи железа у оз. Осинового позволяет осветить некоторые стороны поставленных вопросов.

Оз. Осинное — старица р. Ницы в ее среднем течении. В 1961—1962 гг. отрядом Уральской археологической экспедиции здесь были произведены раскопки Юдинского и Кашинского селищ и Юдинского городища. В 1985 г. отрядом экспедиции отдела истории Института экономики УрО АН СССР раскопана площадка, примыкающая к городищу с запада.

Селища расположены на первой надпойменной террасе и небольшом возвышении левого коренного берега озера на расстоянии около 300 м друг от друга (рис. 1, А—Б). Площади поселений (до 10 тыс. м²) определены по количеству жилищных